Михаил Черейский

Дракон с гарниром, двоечник-отличник
и другие истории про маменькиного сынка

Михаил Черейский

Дракон с гарниром, двоечник-отличник

и другие истории про маменькиного сынка

издательство **астрель**

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ч-46

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

Издание осуществлено при техническом содействии издательства АСТ

Черейский, М.
Ч46 Дракон с гарниром, двоечник-отличник и другие истории про маменькиного сынка / Михаил Черейский ; — М. : Астрель: CORPUS, 2012. — 208 с.

ISBN 978-5-271-40135-0 (ООО "Издательство Астрель")

Тему автобиографических записок Михаила Черейского можно было бы определить так: советское детство 50–60-х годов прошлого века. Действие рассказанных в этой книге историй происходит в Ленинграде, Москве и маленьком гарнизонном городке на Дальнем Востоке, где в авиационной части служил отец автора. Ярко и остроумно написанная книга Черейского будет интересна многим. Те, кто родился позднее, узнают подробности быта, каким он был более полувека назад, – подробности смешные и забавные, грустные и порой драматические, а иногда и неправдоподобные, на наш сегодняшний взгляд. У живших в те времена книга неизбежно вызовет азарт узнавания и поможет им завести механизм собственной памяти, чтобы дополнить нарисованную автором картину новыми деталями и впечатлениями.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-271-40135-0 (ООО "Издательство Астрель")

© Михаил Черейский, 2012
© А. Бондаренко, оформление, 2012
© ООО "Издательство Астрель", 2012
© Издательство CORPUS ®

Оглавление

Предисловие. О советской семье необразцовой 7

ЧАСТЬ 1. Военно-воздушный мальчик

Мы едем к папе через Москву 13
Фрицы, “Хозяйка Медной горы” и “Кот в сапогах” 20
Грустные воспоминания. Я собираюсь жениться на китаянке 25
Байкальский омуль и бюст великого Сталина 29
Мы становимся важными персонами.
Папа с переводчиком 33
Папа сдает объект — и в Воздвиженку! 37
Самолеты, летчики и воздвиженская топография 43
Мы получаем квартиру и празднуем новоселье 47
Пять источников для сытых летчиков 52
Боевые подруги не сидят сложа руки 58
Иду в школу. Лыжи, коньки и последствия 61
Солдатушки — бравы ребятушки 69
К нам приехал, к нам приехал маршал Жуков дорогой! 72
Русский с китайцем — братья навек 77
Мы с мамой едем укреплять советско-китайскую дружбу ...82
Победа тигра над драконом и ее печальный результат 92

Мальчик со шноркелем. “Олдсмобиль” проезжает мимо . . .97
Четыре кругосветки до Воздвиженки и обратно 103

ЧАСТЬ 2. Меж Эрмитажем и казармой

По сотому приказу 109
Климент Ефремыч болгарским крестиком 113
Булыжник — оружие “Ленфильма” 118
Пушкинистика как неизбежность 122
Склад декораций работы Васнецова 126
Павел, Стеша и о. Сергий, или Маца по-протоиерейски 131
Ведьма, мать моряка 135
Юрик-Треф держит мазу 137
Торфяной профессор 143
Наш интернациональный друг 148
Гениальная Малашка 152
Чуриниха и ее обезьяна 158
Привал демонстрантов и моя бабушка-волюнтаристка 162
Учу албанский 170
Как я мучил Любку Шевцову 177
Академик-двоечник 182
Эрмитаж с Малого подъезда 190
Пурукуми — запретный плод цивилизации 197

От автора 206

Предисловие
О советской семье необразцовой

Читателям этих записок наверняка было бы интереснее и полезнее узнать, как жили и чем занимались в пятидесятые-шестидесятые годы дети из типичных семей, составлявших большинство населения СССР. Но об этом придется написать кому-нибудь другому, потому что нашу семью никак нельзя назвать типичной и уж тем более образцовой.

Основных нетипичностей было две: офицерство и еврейство. И офицеры и евреи составляли среди населения СССР какой-то мелкий процент, а уж сочетание этих двух меньшинств в одной семье было совсем нечастым. Не то чтобы в Советской армии совсем не было офицеров и генералов еврейского происхождения — до Второй мировой войны и во время нее их число как раз значительно превышало долю нашей национальности в населении страны. Но в послевоенные годы ситуация резко переменилась, а почему — не место в детских мемуарах рассуждать о том, что и так известно.

Мои папа и дедушка со стороны мамы были кадровыми военными, получали немаленькую зарплату, пользовались различными мелкими привилегиями вроде внеочередной покупки велосипеда или бесплатного проезда в отпуск, снабжались продуктами, практически недоступными для простых людей, были защищены от произвола разной мелкой бюрократии. Благодаря этому мы в целом жили гораз-

до лучше, чем основная масса советских людей в то время, и в этом отношении наше семейство трудно было бы назвать типичным.

При этом никто из нашей семьи не состоял в партии. Папа был одним из двух беспартийных на своем курсе в академии — более ста человек, дедушка тоже как-то ухитрялся не вступать, хотя при его служебном положении и полковничьем чине это было в высшей степени необычным. Избегали членства они не по каким-то идейным соображениям (которые если и были, то со мною не обсуждались), а потому, что для вступления в партию нужно было заполнять особо подробную анкету, и в ней пришлось бы указать мелкобуржуазное происхождение, "лишенство" родителей, родственников за границей (у какой же еврейской семьи их не было?). А так в кадровых и прочих органах лежали себе в личных делах давным-давно заполненные анкеты, в которые никто никогда не заглядывал.

И мамины и папины родители происходили из не скажу богатых, но зажиточных семей. Мой прадедушка со стороны мамы, которого я прекрасно помню, был высококвалифицированным мастером-переплетчиком и владельцем переплетной мастерской в Гомеле, где кроме него работали еще человек пятнадцать. Прадедушка со стороны папы, умерший в двадцатых годах, занимался лесоторговым делом — имел большой лесной склад в Новозыбкове и механическую лесопилку. После революции они продолжали трудиться на своих предприятиях в качестве специалистов, но считались бывшими эксплуататорами наемного труда, угнетателями трудящихся и социально чуждыми элементами. И как таковые, в соответствии с советской конституцией, были лишены избирательных и прочих формальных прав. Таких людей называли лишенцами. На советские выборы им явно было наплевать с высокой каланчи, но статус лишенца не позволял ни им, ни их детям и внукам служить в государственных учреждениях (а очень скоро все в СССР стало государственным), учиться в средних школах, воен-

ных училищах и вузах и накладывал уйму других ограничений. В общем, происхождение из семьи лишенцев являлось большим препятствием в жизни.

Мой отец с юности мечтал стать радиотехником, сам собирал детекторные приемники, но его как сына лишенца не принимали ни в техникум, ни в военное училище, ни даже в радиоклуб Осоавиахима. О поступлении в институт даже и речи не могло идти. Только пройдя войну и получив на фронте офицерское звание, он смог в 1946 году сдать экстерном экзамены на аттестат зрелости, поступить в Военную академию связи и осуществить свою мечту.

Дедушка со стороны мамы тоже был из семьи лишенцев — но он участвовал в Гражданской войне и какое-то время даже служил в 1-й Конной армии (махал ли он лично саблей, мне в свое время выяснить не удалось), имел грамоту Реввоенсовета за взятие Перекопа и роскошный серебряный с золотом портсигар с надписью "Честному бойцу Южного фронта". Благодаря этому ему удалось закончить академические инженерно-строительные курсы и продолжить военную карьеру. Но в анкетах он все равно должен был отвечать на вопрос: "Были ли вы или ваши ближайшие родственники лишены избирательных прав и по какой именно причине?"

Национальный вопрос постоянно присутствовал в нашей жизни — в том числе и в моей детской. Сколько себя помню, я всегда понимал, что отличаюсь от своих одноклассников и соседей по двору. Это ощущение принадлежности к меньшинству и родительские внушения делали меня осторожным мальчиком. Я не был труслив и не боялся соскакивать с подножки трамвая при его повороте на Марсовом поле возле нашего ленинградского дома. Одним из первых в нашей школе я спрыгнул с парашютной вышки в ЦПКО, лихо спускался на лыжах с крутых холмов и гонял на велосипеде с разными опасными пируэтами. Но драться я не любил и старался избегать мальчишеских потасовок. Конечно, если меня задирали или задевали оскорбительными шуточками, прихо-

дилось давать обидчику в морду или куда уж там придется, но делал я это безо всякого удовольствия. А беспричинные драки по ничтожным поводам типа “Ты за Чапаева или за Котовского?” просто терпеть не мог и старался от них уклониться. Еще у меня вызывали отвращение издевательства над кошками, поджигание газет в соседских почтовых ящиках и прочие мелкие мальчишеские пакости, весьма — увы — распространенные среди моих сверстников. Когда компания ребят собиралась на какую-нибудь далекую вылазку, я не понимал, как это можно исчезнуть из дома на несколько часов, не предупредив родителей. По всем этим причинам кое-кто из соседей и одноклассников считал меня маменькиным сынком. Это было обидно и немало отравляло мою детскую жизнь. Не упомянуть об этом было бы нечестно, ведь смысл этих записок как раз в изложении событий и ощущений такими, как они мне запомнились.

У читателя может возникнуть вопрос: неужели автор по прошествии десятков лет так отчетливо помнит все детали? Хотя память и сохранила в подробностях множество детских впечатлений, многое я помню не непосредственно с детских лет, а из воспоминательных разговоров, которые мы долгими часами, неделя за неделей, вели с мамой, когда она в последний раз лежала в больнице. Это помогало ей хоть как-то сохранять контакт с действительностью. Она, как и многие люди в таком состоянии, плохо помнила, что было полчаса назад, — но в мельчайших подробностях излагала события сорока- и тридцатилетней давности. Опираясь на эти детали, и я вспоминал давно забытые происшествия и даже кое-что тогда записал. Конечно, за текстуальную точность реплик ручаться нельзя и многое я восстанавливаю по принципу “так оно, скорее всего, могло быть”, но ничего осознанно выдуманного в моих заметках нет.

Часть 1
Военно-воздушный мальчик

Мы едем к папе через Москву

Мой отец после войны закончил Военную академию и стал инженером по радиолокаторам. В 1954 году его отправили служить в дивизию дальней авиации в поселок Воздвиженка-городок Приморского края — двадцать пять километров от Ворошилова-Уссурийского (ныне Уссурийск), сто тридцать от Владивостока и сорок от китайской границы. Делать нечего, собрались мы с мамой и поехали к папе, с пересадкой в Москве. Провожал нас дедушка и строго наказывал меня никуда не отпускать, беречь чемоданы и не класть мамину сумочку на вагонную полку или на столик в купе. Потому что на крыше каждого вагона едут выпущенные по амнистии воры и специальными длинными крючками через окно цепляют сумочки и утаскивают их.

Хотя я и до этого ездил в поезде, в "Красной стреле" мне все очень понравилось. Все железнодорожники были в красивой форме с погонами, а на кабине паровоза было написано в две строчки: "Ст. машинист — техник-лейтенант тяги орденоносец Кудрявцев". Усатый проводник в белых перчатках и с медалью "За доблестный труд" подавал вкусный чай в подстаканниках с рельефным паровозом и буквами ОЖД. Вагон был воинский, и веселые офицеры — в Москву едем! — дымили папиросами "Казбек", пили из чайных стаканов коньяк "Пять звездочек" и наперебой пытались ухаживать за мамой. А меня тихонько спрашивали,

в каком звании папа, где служит и что за полковник провожал нас на вокзале (а это был дедушка).

Утром при подъезде к Москве из поездного радио раздалась песня "Утро красит нежным светом стены древнего Кремля". Я потом ее слышал еще много-много раз, подъезжая к столице с разных сторон, но чаще всего из Ленинграда.

Приехали мы на Ленинградский вокзал и пошли с него на соседний Северный (теперь Ярославский) компостировать воинскую плацкарту и получать комендантскую бронь. Мне ужасно нравились эти красивые слова, но еще больше понравился сам комендант — на нем была фуражка с красным верхом! А сам вокзал не понравился: он весь был заполнен сидящими и лежащими людьми в ватниках, замусоленных телогрейках и кепках-восьмиклинках с пуговкой посередине. Я по Ленинграду знал, что в них ходит шпана с Лиговки, и у нашего соседа Юрки-Трефа была такая. А тут они на каждом втором. Еще шныряли полуголые цыганята и какие-то замызганные пацанчики, недобро посматривавшие на приличного мальчика в вельветовой курточке и красивой тюбетейке. Тогда многие носили тюбетейки — и взрослые и дети. Мода пошла с тридцатых годов и продержалась по крайней мере до начала шестидесятых. Тюбетейки были двух типов: круглые вышитые и прямоугольные черно-белые складные. Они повсюду продавались и стоили какие-то смешные деньги. А были еще парадные бархатные тюбетейки, расшитые золотом и серебром. Но их покупали в основном интуристы в придачу к самовару и хохломе.

Я тюбетейку на всякий случай снял и сунул в карман. Через пять минут ее там уже не было — я даже и не заметил, как вытащили. Мама расстроилась, но не очень — ведь комендант нам закомпостировал плацкарту, выдал бронь, послал с нами солдата отнести два чемодана в камеру хранения и велел быть на вокзале строго в восемнадцать ноль-ноль для посадки на курьерский поезд Москва — Владиво-

сток. И еще выдал талоны на питание по нормам старшего офицерского состава в вокзальном ресторане. Это дедушка расстарался из Ленинграда через тамошнего коменданта, потому что папа был еще только капитаном и его семье еды полагалось меньше и не такой вкусной. А потом мы вышли на привокзальную площадь и сразу увидели сказочное, волшебное метро.

Я был потрясен ездой на эскалаторе, да и мама ехала в метро впервые в жизни. Впрочем, с открытыми ртами озиралась по сторонам добрая половина пассажиров. Мы доехали до "Площади Революции" — и новый восторг: фигуры пограничника с собакой, красноармейца с наганом...

Вышли наружу и пошли, разумеется, на Красную площадь. Ходить по ней можно было только по огороженным дорожкам, милиционеры в белых перчатках и молодые люди в длинных серых плащах и велюровых шляпах пристально вглядывались в каждого прохожего. Посмотрели издали на мавзолей с надписью в две строчки "Ленин. Сталин" и повернули обратно, к улице Горького. Сразу наткнулись на загадочную вывеску "Коктейль-холл", а рядом стояли кучкой невиданные еще в Ленинграде молодые люди в узких коротких брюках и желтых полуботинках на рифленой подошве, которых потом стали называть стилягами. У одного даже был галстук-бабочка. Мы с мамой решили, что это, наверное, американцы, — тем более что у тротуара стоял длинный черный "бьюик" под охраной милиционера.

Так мы дошли до "Елисеевского" гастронома и единогласно постановили, что наш "Елисеевский" на Невском гораздо красивее. Внутри все было примерно как в "нашем": чаны с черной икрой двух сортов, пирамиды крабовых консервов с надписью "Chatka", плакаты "Всем попробовать пора бы, как вкусны и нежны крабы" и "А я ем повидло и джем". Но, в отличие от ленинградского магазина, в московском плавал в аквариуме живой осетр! Мы купили в дорогу палку сухой колбасы "Советская", коробку белорозового зефира, конфет "Мишка на Севере" и еще чего-

то. Тут мама увидала соковый отдел и повела меня пить томатный сок. Я, давясь, допил стакан и сказал, что ничего, вкусно даже (это чтобы мама меня им больше не поила: она считала, что невкусное — значит, полезное). И напомнил ей, что доктор советовал закалять мне горло, что правильнее всего делать путем частого поедания мороженого. Но мама сказала, что мороженое я получу только на Выставке.

И мы поехали на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку, будущую ВДНХ. Ехали долго, на двух троллейбусах, и вовсю глазели в окна на Москву. Между вычурными, сверкающими позолотой и свежепокрашенной лепниной павильонами бродили группы экскурсантов непривычного для меня сельского вида — мужчины в сапогах, женщины в плюшевых кацавейках и платках на голове. Одиночных посетителей вроде нас было совсем мало, да и те большей частью озабоченные мужчины в шляпах с портфелями. Мама выполнила обещание, и я получил два шарика мороженого — фисташковое и земляничное.

Те немногие мои сверстники, кому посчастливилось побывать в Москве (в классе таких было двое), распространяли слухи о волшебном вкусе и удивительных сортах столичного мороженого. И известно было, что из всей этой вкуснятины самая вкусная — на Выставке. Мама, кстати, тоже от кого-то это слышала. На ВСХВ мороженым — эскимо, брикетами и стаканчиками — торговали тетки с тележками, но мы пошли в специальный павильон “Мороженое” в форме айсберга, на верхушке которого огромный морской лев (а может, это был морж?) держал на носу вазочку с мороженым. Сортов там было, наверное, двадцать. Мне очень хотелось попробовать коньячное или ромовое, но мама не разрешила, сказала: успеешь еще. И я заказал фисташковое из любопытства, что это за вкус такой, про который мы с мамой никогда и не слышали.

А потом случилось главное удовольствие этого дня: мы прокатились на тройке здоровенных лошадей с лентами в гривах и с колокольчиками. На облучке сидел вылитый

персонаж фильма “Кубанские казаки” — в папахе, чубатый и усатый. Объехали всю выставку и один раз остановились по дороге, чтобы все могли полюбоваться на высаженный из цветов на огромной клумбе портрет Сталина. Около клумбы дежурили два милиционера, а над ней была растянута сетка. “Шобы птицы не безобразничалы”, — объяснил возница. Потом мы отломали кусок от нашей колбасы, не наелись, и мама решила, что ребенка пора кормить, да и до восемнадцати ноль-ноль оставалось всего часа три.

Приехали мы снова на вокзал — и в ресторан. Нас не хотели пускать, но мама показала полученные от коменданта талоны, и мы очутились в огромном полупустом зале. Официантка сказала, что по этим талонам нам полагается по полному обеду из четырех блюд и что мы будем пить — коньяк, водку или крымский портвейн? Я сразу сказал: “Водку”, но мама цыкнула и попросила лимонаду.

Официантка говорит:

— Принесу лимонад “Крем-сода”, но если не отоварю талоны по полной, вы что, дама, хотите, чтоб меня уволили?

Договорились, что водку с коньяком на двух старших офицеров она нам заменит на шоколад. И мы стали обедать. Ели-ели, половины не съели, и одну баранью отбивную мама тихонько завернула в салфетку и сунула в авоську к колбасе и прочему. Но официантка заметила и говорит:

— Давайте я вам бисквитные пирожные в кулечек положу, дитё вечером за милую душу стрескает. — И принесла этот кулечек и штук пять больших белых шоколадин с выпуклым золотым якорем.

Мама подумала и говорит:

— Принесите вместо одной шоколадины пачку папирос получше.

Я удивился: как же так, ведь у нас полчемодана напихано “Беломора” фабрики Урицкого, как папа наказывал. На что мне было велено отстать и лучше думать, как уберечь новую тюбетейку, купленную на Выставке в павильоне Та-

джикской ССР. Мы еще посидели до восемнадцати ноль-ноль и пошли к коменданту. Тот же солдат сбегал в камеру хранения и приволок наши чемоданы. Тут мама и дает ему красивую пачку папирос с тремя богатырями. Солдат покраснел, говорит:

— Я не курю...

Тогда мама отсыпала ему немножко конфет из пакета, а папиросы все равно сунула ему в карман. Он еще больше покраснел, схватил чемоданы, и мы пошли садиться в свой курьерский поезд.

Он состоял только из купейных и мягких вагонов, а посередине — два вагона-ресторана один за другим. Наш купейный, как и в "Стреле", был воинским, да и вообще две трети пассажиров-мужчин во всем поезде были в форме, и чаще всего в морской. Только солдат помог нам засунуть один чемодан под полку, а второй — на антресоли купе, пришли наши соседи: женщина постарше мамы и мальчик постарше меня года на два, звать Владиком. Наши мамы тут же разговорились, будто сто лет были знакомы, а Владик помалкивал, свысока поглядывая на мальца. Пользуясь тем, что мама увлечена разговором про московские моды, я достал свою новую тюбетейку и стал маминой шпилькой в ней проделывать дырочку, чтобы прицепить летную эмблему — звездочку с крыльями. Ее папа прислал в письме. А я тогда еще не знал, что авиаторы называют ее просто курицей. Владик увидел эмблему, и его холодность растаяла: "Твой батяня летчик?!" Я не стал его разочаровывать — конечно летчик! А у него оказался моряк, капитан третьего ранга. Правда, день на пятый пути выяснилось, что не совсем кап-3, а майор береговой службы — ну так и мой папа был не совсем летчиком, а радиоинженером.

Загудел паровоз, и мы поехали к Тихому океану. А пока что сидели и глазели на подмосковные станции. Мне очень понравилась станция Лось — я как раз недавно видел лося в зоопарке, а тут станция такая! Прошел проводник, приглашая товарищей пассажиров посетить вагон-ресто-

ран. Наши мамы переглянулись и стали разворачивать кульки и свертки. У Владиковой мамы был большущий шмат сала, моя мама спросила — украинское? Оказалось, они на Камчатку к папе-почти-моряку едут из Конотопа, от Владиковой бабушки. Ой, говорит мама, а у меня в Конотопе мой дядя Гриша главным инженером депо работает. Как же мы с вами раньше не познакомились, говорит Владикова мама, тогда б ваш дядя моим угля на зиму подбросил, а то беда с этим углем. Так за разговорами совсем стало поздно, я забрался на верхнюю полку и тут же крепко уснул.

Фрицы, “Хозяйка Медной горы” и “Кот в сапогах”

Утром проснулся, поезд стоит, выглядываю — станция Котельнич. И прямо напротив нашего вагона на перроне сложены доски, а на досках сидят странные люди, человек десять. Какие-то странно аккуратные, выбритые, подстриженные. Худые все, в серых кителях и штанах, на головах серые шапки — у кого пилотка с пуговками, у кого с козырьком. Рядом солдат сидит с карабином, и здоровенная собака положила морду на лапы. Тут Владик тоже проснулся, посмотрел: о, говорит, фрицы! Как фрицы, настоящие?! Мы с ним кое-как оделись, выскочили на перрон и смотрим. И несколько офицеров из нашего и соседних вагонов тоже вылезли в пижамных и спортивных штанах. Один фриц достал губную гармошку и стал тихонько наигрывать. А собака, не поднимая морды с лап, тихонько подвывать. Офицеры развеселились, а солдат встал, поправил карабин на плече и говорит: “Товарищи, близко подходить запрещено, и передавать ничего нельзя. Хотя, б...ь, курить вот так хочется!” И тут же получил от одного из офицеров пачку папирос. Тут три раза прозвенел колокол, проводники закричали: “По вагонам, поезд отправляется!”, и мы забрались обратно. Смотрим в окно, а солдат открыл пачку и раздает фрицам по папиросе. И собака рядом стоит и виляет хвостом.

Как отъехали мы от Котельнича, мама проснулась и пошла умываться, вернулась — чуть не плачет. Какая же,

говорит, я дура, забыла дать бабушке с дедушкой телеграмму, что мы благополучно приехали в Москву и закомпостировали плацкарту до Ворошилова. Они там уже с ума сходят от волнения, а у бабушки снова начнутся приливы к голове. Я говорю: “А из поезда нельзя дать телеграмму?” Мама меня сначала обозвала балбесом, а потом задумалась и пошла проводника спрашивать. Проводник говорит: “Письмо можно из поезда отправить, сдать на остановке в почтовый вагон, а телеграмму пока что нет, еще наука такого не придумала. Вы, — говорит, — как в Киров прибудем, сбегайте и сами свою телеграмму отправьте. Прибываем на первую путь, стоим аж тридцать две минуты, потому что паровоз меняем. И в вокзал не ходите, они в телеграфной, пока не холодно, окошко открытое на перрон держат”. Мама очень обрадовалась и тут же на бумажке сочинила телеграмму. Когда приехали в Киров, так все и вышло: выскочили мы на перрон, побежали искать открытое окошко — а чего его искать, над ним даже надпись была: “Прием телеграмм”. Наверное, Москва так всем головы задуривает, что многие забывают про телеграммы, а в Кирове это знают и о них заботятся. Про это я сам догадался и маме сказал, а она чего-то испугалась. Ты, говорит, Владику не рассказывал, что столица нашей Родины Москва всем головы задуривает? Смотри не повторяй эту глупость. Я пообещал, и поехали мы дальше.

Всю дорогу, как отъехали от Кирова, Владикова мама рассказывала моей маме про замечательные фигуры, которые будут продаваться в Кунгуре. Она на Восток и обратно уже несколько раз ездила и все знала, что надо покупать на разных станциях. Я же тем временем учил Владика играть в “морской бой” — он о такой игре даже не слышал, а еще сын моряка. И вот совсем уже было темно, когда проводник прошел по вагону, объявляя: “Станция Кунгур, стоянка двадцать минут!” И как остановились, все быстренько соскочили и побежали к киоску с фигурами. Когда мы по-

дошли, стояла уже внушительная очередь. Мама меня оставила стоять, а сама пошла разглядывать, что за знаменитые фигуры такие. Когда вернулась, я пошел смотреть. Самой главной гипсовой фигурой, которая продавалась в нескольких размерах и расцветках, была "Хозяйка Медной горы", вся в узорах и самоцветах. Рядом с киоском стоял щит с объяснениями, кто это такая и как в сказах Бажова отразилась борьба уральского трудового люда против векового угнетения. Про Конька-горбунка там было такое наворочено, что даже я, не по годам начитанный мальчик, ни фига не понял.

Фигуры — особенно Хозяйка — выглядели очень красиво и стоили недорого, судя по обмену мнениями между стоявшими в очереди. Еще там были "Пионер с собакой", "Девочка с котенком", "Ворошилов с Буденным" и много другого, но мне больше всего понравился "Кот в сапогах". Кроме сапог, на коте был широкий ремень со шпагой, а в лапе он держал шляпу с пером. Время шло, очередь двигалась медленно, и мама и люди вокруг нас стали волноваться, не опоздать бы на поезд — а то уйдет, и сиди тут в этом Кунгуре в обнимку с "Хозяйкой". Тут к маме подошел мужик в пиджаке с одним пустым рукавом, засунутым в карман, и с орденскими планками.

— Вы, — говорит, — хозяйка, что брать-то надумали?

Мама отвечает:

— "Хозяйку" такую зелененькую за тридцать рублей.

— И "Кота в сапогах" за семнадцать, — тут же добавил я.

Мужик говорит:

— Вы идите к поезду, я вам их туда принесу, а то вы не успеете взять, какой номер вагона-то?

Мама засомневалась, но мужик сказал, что он инвалид из этой самой артели, которая фигуры делает, и принесет самого первого сорта, без щербиночки.

Так и получилось: мужик принес "Хозяйку" с "Котом", мама их со всех сторон рассмотрела и спрашивает:

— Сколько я вам должна?

Он говорит:

— Согласно прейскуранту — сорок семь, а накинете трешечку на папиросы — бузить не стану.

Мама ему накинула трешечку, а я тем временем разглядел его планки и спрашиваю:

— Эта, — говорю, — “Слава”, эта “За боевые заслуги”, эта “За победу над Германией”, а эта какая, я такой не видал никогда?

— Надо ж, как разбираешься, — говорит инвалид, — вырастешь, в Военторге сможешь работать. Которую ты не видал — это “За оборону Советского Заполярья”.

Тут дали третий звонок, и мы с фигурами еле успели залезть в вагон. Зашли в купе, а Владикова мама говорит:

— Я вся аж испереживалась, что вы “Хозяйку” приобрести не успеете, а теперь и у вас будет чем дом украсить.

Судьба “Хозяйки” поначалу оказалась печальной: года через два во время встречи Нового года у нас дома она была сброшена с этажерки на пол подполковником медицинской службы Шапиро, демонстрировавшим со своей супругой какое-то изощренное па вальса-бостона. А он к тому времени уже утратил способность даже к обычному строевому шагу, не то что к вальсу-бостону. Мама была очень расстроена и безуспешно пробовала склеить гипсовые осколки.

Но прошло более полувека, и “Хозяйка”, к моему величайшему изумлению и неописуемой радости, воскресла из небытия: я получил точно такую же кунгурскую фигуру, которую некий знакомый с этой историей москвич случайно обнаружил в антикварном магазине и тут же купил мне в подарок.

“Хозяйкин” же земляк “Кот в сапогах” через пять лет проделал с нами обратный путь через родной Кунгур в Ленинград и еще какое-то время простоял в серванте, пока мы не переехали на другую квартиру. Мама перед этим спросила соседку Стешу, что ей подарить на память, и та попроси-

ла “Кота” — если, конечно, Мишенька не возражает... А я не возражал, потому что к тому времени подрос и больше интересовался математическими головоломками и древнескандинавскими мечами и шлемами, чем какими-то там игрушечными котами.

Грустные воспоминания. Я собираюсь жениться на китаянке

После Кунгура проехали мы ночь, целый день и еще ночь и утром приехали в Новосибирск. Мама, как проснулись, сильно разволновалась. Она уже бывала в Новосибирске — они с бабушкой эвакуировались туда из блокадного Ленинграда в январе 1942-го и вернулись домой только через два года. Мама работала чертежницей в управлении железной дороги и вечерами училась рисованию и лепке на курсах при каком-то эвакуированном с Украины институте — готовилась поступать в архитектурный. Бабушка на дому занималась навивкой пружинок для какой-то артели. Жили они, сравнительно с другими эвакуированными ленинградцами, довольно безбедно: имели комнату на троих еще с одной родственницей не в бараке, а в кирпичном доме возле Красного проспекта. От дедушки из Ленинграда аккуратно приходил продовольственный аттестат, по которому кормились все трое. А мама еще получала усиленные карточки как работник транспорта — так что не шиковали, но и не голодали.

А вот другая моя бабушка, с папиной стороны, осталась в Ленинграде и в марте сорок второго умерла, как написано в сохранившемся у меня свидетельстве о смерти, от “безбелковых отеков”. Иначе это называется алиментарная дистрофия, а по-простому — голод. Папа, ее сын, служил в автомобильной части, всю зиму возившей горючее по ледя-

ной трассе через Ладогу. Он рвался в Ленинград, чтобы передать бабушке хоть какие-то продукты, но был тогда простым сержантом, и никаких шансов попасть в осажденный город у него не было. Весной 42-го он получил заветный кубик на петлицы — стал младшим лейтенантом. В тот же день выпросил у благоволившего к нему командира батальона командировку в Ленинград и на попутных поехал с рюкзаком продуктов — взял авансом командирский паек на полмесяца вперед, больше не дали.

Добрался, а полуживые соседи говорят: пару недель как свезли на Пискаревское. Папа, сам голодный, потерял сознание на несколько минут, очнулся — видит, соседка оттаскивает дочку подальше от его рюкзака, а ту аж трясет... Он половину содержимого рюкзака — сухари, сгущенку, американскую тушенку — выгрузил им на стол. Взял кое-какие книжки, бабушкины документы, фотографии — часть из них теперь у меня. Уходя, попросил беречь опустевшую комнату и передать в ЖАКТ, что хозяин теперь командир Красной армии и часто наведывается с фронта. Со второй половиной продуктов пошел к родственникам, застал их тоже чуть живыми и там опустошил рюкзак. Благодаря этим продуктам они дотянули до лета, когда и с продовольствием полегчало, и папа сумел им еще кое-чего передать через ездившего в Ленинград сослуживца.

После войны уже выяснилось, что дедушка с маминой стороны все это время находился буквально в двух шагах и, получая паек старшего командира (он служил замначальника отдела в инженерном управлении Ленинградского фронта), мог спасти бабушку от голодной смерти. Но он не подозревал о ее существовании — ведь папа с мамой тогда еще не были знакомы.

И вот мама снова — на этот раз со мной — подъезжала к Новосибирску и возбужденно рассказывала, какой это красивый город и какой в нем великолепный вокзал. Так оно и оказалось: огромное здание с крытыми переходами над путями, несколько составов у платформ, а напротив на-

шего — поезд Пекин — Москва. И у вагонов стояли и из окон выглядывали настоящие китайцы и даже китайские дети! Я быстренько вышел на платформу и уставился на двух китайских девочек. Они мне показались очень хорошенькими, все время улыбались, и на них были стеганые шелковистые курточки с цветами и — о чудо невиданное! — брючки. Меня это зрелище поразило до глубины души. Вернувшись в вагон, я объявил маме, что, если когда-нибудь женюсь, так только на китайке. “На китаянке”, — с тяжелым вздохом поправила мама, а Владик с его мамашей разразились диким хохотом.

После Новосибирска сидение целыми днями в вагоне с редкими выходами на станциях стало порядком прискучивать. Я большей частью лежал на своей верхней полке и попеременно читал две книжки: “Страна Большого Хапи” про приключения древнего египетского мальчика и “Васёк Трубачёв и его товарищи”. Владик канючил и просил ему пересказывать прочитанное, но предложения почитать самому отвергал: “В школе еще начитаюсь”.

Взятая с собой провизия закончилась и у нас и у соседей. Денек попитались горячей картошкой, которую на станциях продавали бегавшие вдоль поезда тетки. Они ее держали в обвернутых одеялами чугунках и вываливали в газетные кульки. К каждой порции картошки давался в придачу соленый огурец и ломоть черного хлеба. Мне это казалось безумно вкусным и тогда, и во время последующих поездок по Транссибу. Но и картошка приелась, и решили мы вчетвером сходить в вагон-ресторан. Попросили офицера с женой из соседнего купе присмотреть за нашим и отправились через вагоны. Последним перед рестораном был мягкий вагон, отличавшийся от нашего купейного пухлыми бархатными диванами, зеркалами и всякими бронзовыми штуками. В коридоре стояли и курили два солидных дядьки в теннисках (так назывались сетчатые майки — хотя никогда не видел, чтобы в них кто-то играл в теннис), галифе с лампасами на подтяжках и тапочках. Вла-

дик шел первым и как заорет на весь вагон: “Товарищ генерал, рразррешите пройти!” Хотя необходимости никакой не было, мы и так прошли бы, а он просто давил фасон.

В вагоне-ресторане мне все очень понравилось, а маме почти все — кроме цен в меню. Мы взяли на двоих порцию солянки и бифштекс с яйцом и двойным гарниром. Владикова мамаша презрительно смотрела, как моя мама разливает солянку из металлической мисочки по тарелкам — думала, что скупердяйничает. А мы с трудом осилили и эти половинные порции. Из солянки я выловил зеленые и черные продолговатые ягодки, попробовал одну — а она соленая! Пока официант нес второе, я их потихоньку сжевал, к удивлению соседей — как это я могу есть такую гадость? Официант это услышал и говорит: “В старое время оливки и каперсы из солянки только дворяне и купцы ели, мальчик-то разбирается!” Владикова мамаша ухмыльнулась: “Да уж, дворяне”, — и явно хотела что-то добавить, но удержалась. А я с тех пор полюбил маслины и до сих пор ем их каждый день.